

ных групп. Неграмотные крестьяне, знавшие азбуку горожане, рефлексирующие интеллигенты, высокопоставленные чиновники, партийные деятели и т.д. по-своему воспринимали «образ союзника», особенно под влиянием военнополитических перемен и с учётом всех этнополитических стереотипов, связанных с такими странами, как Франция, Великобритания и США. Потому возникает неизбежный вопрос: какое же словосочетание точнее обозначает предмет исследования – «образ союзника» или «образы союзников»?

В главе «Образ союзника в контексте “настроения 1914 года”», написанной О.С. Поршневой, совершенно верно отмечены признаки того, что уже в начале века война привела в действие характерные для массового общества механизмы тотальной мобилизации. Во всех странах, несмотря на ту или иную специфику, ощущалось тогда стремление к «сплочению вокруг трона и алтаря», наблюдались выраженные эсхатологические настроения, происходила идеализация собственного культурно-исторического типа и национального опыта. Впрочем, и тут многое зависело от местных обстоятельств и социальных факторов. К примеру, ни в рабочих пригородах Гамбурга, ни в баварских деревнях не было тотальной эйфории «августовского переживания». Более того, в течение первых военных дней настроения немцев существенно колебались. О повсеместном всплеске патриотизма и всеобщем военном воодушевлении говорить явно не приходилось³. «Дух 1914 года» скорее оказывал прямо-таки мифически сильное воздействие на политическую культуру послевоенного времени.

В целом же авторы на основе актуальных методологических и концептуальных подходов создали фундаментальный академический труд, который впервые в отечественной историографической практике раскрывает процесс формирования и эволюцию представлений о союзниках в сознании россиян в первой половине XX в.

Татьяна Филиппова: Против кого дружим?

Tatiana Filippova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences): Whom are we friends against?

В отечественной историографии восприятие «врагов» рассматривалось чаще, чем образ «друзей». Книга же А.В. Голубева и О.С. Поршневой даёт возможность проследить, как те или иные стереотипы, клише и представления о союзниках России складывались и менялись в обществе в разные эпохи. При этом безусловно нужно учитывать специфику положительного образа «союзника», состоящую в том, что он формируется в сугубо негативном контексте войны – реальной или ожидаемой. Методологическая часть работы не только помогает уточнить её понятийно-терминологический аппарат, но и в концентрированной форме раскрывает интеллектуальную историю темы во всей её многосложности.

Замысел данной книги и трансдисциплинарный подход её авторов (на грани имагологии, культурной антропологии, теории межкультурной коммуникации, психоистории) в чём-то созвучны идеям Дж. Лиирсена (междисциплинарная природа имагологии), П. Бергера и Т. Лукмана (роль «другого» как

³ См.: *Volker U. Kriegsaltag. Hamburg im Ersten Weltkrieg. Köln, 1982; Ziemann B. Front und Heimat. Ländliche Kriegserfahrungen im südlichen Bayern 1914–1923. Essen, 1997; Geinitz C., Verhey J. The Spirit of 1914. Militarism, Myth, and Mobilization in Germany. Cambridge, 2000.*

детерминанта собственного «я»), Э. Саида и И. Нойманна (ориенталистские трактовки «Востока» в процессе самоидентификации «Запада» и проектирования внешней политики), У. Липпмана («механика» и психология процессов стереотипизации представлений об «ином», «чужом», «враждебном»), К. Флада (аксиологические аспекты и мобилизационный потенциал политического мифа), У. Митчелла (знаково-символическая система семантизации вербальной и визуальной картины мира)⁴. Но это не мешает монографии А.В. Голубева и О.С. Поршневой оставаться прежде всего добротным конкретно-историческим исследованием.

Различные аспекты союзнических отношений – их этика, степень лояльности, проверка боем – остро волновали общественное мнение России ещё в эпоху Первой мировой войны. Писали о них обычно в сугубо морализаторском ключе. К примеру, явная политическая «асимметрия» германо-турецких и австрийско-болгарских отношений внутри блока Центральных держав не раз становилась объектом жёстких насмешек отечественной сатирической журналистики. Готовность Германии и Австро-Венгрии воевать до последнего турка и болгарина неизменно считалась признаком обречённости и моральной ущербности Тройственного союза. «Турки в отношениях с немцами попали в сложное положение, – шутили журнальные сатирики, – если с русскими как врагами они могут заключить перемирие, то что они могут заключить с союзниками, подставляющими их под русские пули?»⁵.

Собранный и изученный авторами обширный материал убедительно свидетельствует о том, что отношение к союзам и союзникам в разные эпохи XX в. являлось одним из показателей зрелости политической культуры общества, степени его открытости, уровня противостояния военно-политических блоков и общественных систем, меры идеологического радикализма и жёсткости пропаганды. Тем самым образ союзника, как и образ врага, становился своего рода зеркалом, отражавшим реалии политической и культурной жизни России.

Более того, осмысление этого образа, формировавшегося на стыке пропагандистских установок «сверху» и массовых представлений «снизу», выявляет общее и особенное в приёмах как дореволюционного, так и советского времени. При всём содержательном отличии идеологических установок, господствовавших в разные периоды отечественной истории XX в., нельзя не обнаружить устойчивые традиции клишированного изображения того или иного союзника. В этом смысле особенно характерен образ «американца»: ещё со времён Первой мировой войны он предстаёт неким «лукавым доброжелателем». Снова и снова «откупаясь» военными займами и поставками от прямого участия в мировой войне, «дядя Сэм» в представлении значительной части россиян выступает как «третий радующийся» и легко перемещается из числа союзников в ряды врагов (или, по меньшей мере, в зону недоверия), что лишний раз подтверждает подвижность общественных настроений, зависящих от политической реальности и идеологической конъюнктуры.

⁴ *Leerssen J. Imagology & History and Method // Imagology. The Cultural Construction and Liberty Representation of National Characters. Amsterdam; N.Y., 2007; Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб., 2006; Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004; Mitchell W. Iconology: Image, Text, Ideology. Chicago, 1986.*

⁵ Подробнее см.: *Филиппова Т.А. Враг с востока: Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М., 2012.*

К сожалению, восточным союзникам в книге уделено гораздо меньше внимания, чем западным. Бесспорно, это оправдано ролью тех и других в мировых войнах. Однако для оценки состояния общественного сознания весьма любопытен, например, образ-перевертыш «японца» – коварного агрессора в годы Русско-японской войны, доблестного союзника на Дальнем Востоке в эпоху Первой мировой и вновь – опасного противника в межвоенный период и во Вторую мировую войну. В советскую эпоху на фоне мирового антиколониального движения и раздела мира на два лагеря образ «пробуждающегося Востока» становится устойчивым политическим символом потенциального союзника по принципу «против кого дружим».

Как бы то ни было, монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой ценна, помимо прочего, тем, что вызывает желание вступить в диалог с авторами, «примерить» их исследовательские подходы к своей тематике, проверить собственные выводы на материале их работы. Актуальность же заявленной темы – и в общественном, и в академическом отношении – не вызывает сомнений. Динамика восприятия союзников и союзничества позволяет судить о глубинных мировоззренческих реакциях и рефлексиях значительной части российского общества не только в XX в., но и в наши дни. Многие образы союзничества и вражды – во всей их подвижности, контекстуальности и неоднозначности – живы и сегодня. И это говорит об их способности нагнетать напряжение между реальностью представлений и мнимостью фактов.

Ирина Быстрова: Война и союзники

*Irina Bystrova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences):
The war and the allies*

Монография А.В. Голубева и О.С. Поршневой посвящена исследованию одной из наиболее востребованных, актуальных и «болевых» проблем отечественной историографии последних десятилетий – взаимовосприятию России и внешнего мира. Именно в эти годы стали применяться методы и подходы исторической имагологии, разрабатывавшиеся за рубежом с 1950-х гг., в частности, началось изучение формирования понятий «мы – другой», «свой – чужой», как компонентов национальной идентичности. Будучи известными специалистами по данной тематике, авторы книги успешно решают масштабную задачу: «Изучая на конкретно-историческом материале восприятие мира российским обществом, начиная с раннего Средневековья и кончая нашими днями, мы должны поставить и разрешить такие принципиальные вопросы, как проблема открытости / закрытости общества по отношению к внешнему миру; диалектика войны и мира, врага и союзника; эволюция самого общества, его представлений о мире и самом себе; наконец его, если угодно, “культурное бессознательное”» (с. 6).

Конечно, едва ли возможно всеобъемлюще и равномерно осветить все эти сюжеты в одной монографии. Решая поставленную задачу, авторы широко используют массовые источники. Характеризуя период Первой мировой войны, они также уделяют особое внимание периодической печати, которая наряду с воспоминаниями, письмами и полицейскими донесениями отражала как стереотипные, так и меняющиеся представления населения о роли союзников в войне. Напротив, материалы советской прессы носили исключительно пропа-